

Е. А. Гапанович

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Изучение нормы французского языка характеризуется достаточно обширной проблематикой в силу размытости самого понятия и неустойчивости терминологии, а также того факта, что весьма радикально меняются взгляды на эту категорию, обеспечивающую адекватное кодирование и декодирование смысла коммуникативных единиц, в рамках лингвистического и цивилизационного континуума. Наблюдаемая в настоящее время динамика отношений к институту нормы со стороны лиц, которые так или иначе связаны с ее поддержанием, как и коммуникантов в принципе, свидетельствует о неготовности и / или отсутствии необходимости всегда безусловно и беспелляционно выполнять отдельные правила употребления языковых единиц. У каждого носителя языка свое соотношение нормы и вариативности. На современном этапе реализации и развития французской нацио-

нальной нормы наблюдается отказ от императивности, пуризма и абсолютизации кодифицированных единиц в пользу диспозитивности (вариантности). Допустимы ситуации, когда накапливается критическая масса отклонений от той или иной нормы и альтернативные языковые средства одобряются для массового использования с учетом коллективных предпочтений. Отсюда и необходимость систематизировать регулярные варианты французской нормы. Сложная ментально-языковая категория нормы, имевшая ранее репутацию незыблемого, фундаментального, подвергается пересмотру в части ее основ и структур. В полемику с государственными учреждениями, ответственными за нормализацию и кодификацию, вступают социальные группы, стремящиеся через язык заявить о своих коммуникативных проблемах или предпочтениях. При этом норма определяется фактами историческими, культурно-социологическими и собственно лингвистическими, их сложным взаимодействием, предугадать которое весьма затруднительно.

В процессе коммуникации речь как сложная функциональная система опирается на знаковую систему каждого конкретного языка. Знание о специфике устройства языка и функционировании его форм обуславливает, в том числе и для французского языка, наличие общеязыковых вариантов нормы, называемых формационными. В таком исследовательском фокусе соотнесены разнопорядковые позиции, а именно статус языковой нормы и системная организация языковых единиц. Лингвоспецифичность нормы продиктована глубинными структурами национального языка и ментальности и является условием поддержания системы языка, устанавливаясь институционально.

При изучении единиц живого языка исследователь, воспринимая его как сугубо жесткую систему, регулируемую правилами и предписаниями, лишает себя возможности раскрыть логику развития и типологические особенности ряда языковых фактов и феноменов, в том числе и самой языковой нормы. Традиционно ассоциируемое с нормой положение о консерватизме не соответствует ценностным установкам современного языкового сообщества. Субъект речи имеет возможность не только пассивно пользоваться строевыми единицами, но и участвовать в коммуникативных процессах, активизируя свои лингвокреативные способности, сдвигая норму с незыблемых позиций в направлении того состояния, когда она становится вариативной.

В понятие нормы, помимо реализованной и устоявшейся, следует включать потенциальную часть системы языка, обусловленную творческим началом речепорождения.

Раскрывая типологическое разнообразие французской нормы, мы не только описываем, констатируем наличие имеющихся типов, но и соотносим их друг с другом, исследуем их преемственность и эволюционную специфику с учетом национально-культурных особенностей. Последние рассматриваются нами как экстралингвистические факторы, которые входят в содержание речевой нормы наряду с невербальными компонентами.

Исследование типологии нормы и ее динамики способствует также раскрытию специфики эволюции ментальных доминант от одного поколения к другому.

Массовые случаи вариативности французской языковой нормы приводят к необходимости говорить о коммуникативной норме, а *prigri* не являющейся кодифицированной и находящейся под влиянием контекстуально-ситуативных обстоятельств. Контекстуальная обусловленность предполагает варьирование формационных норм, отвечающее коммуникативным целям и регистрам общения. Сами формационные варианты языковой нормы квалифицируются как *le bon usage* ‘правильная речь, хороший язык’, в то время как их использование в сочетании с невербальными средствами общения составляет основу *les usages / le savoir-vivre* ‘хорошей речи / хороших манер’, отвечающих целям ситуации общения. Содержание речевой (коммуникативной) нормы шире, чем языковой, поскольку включает в себя требования о соответствии ценностным установкам, стандартам, свойственным данной лингвокультуре. В языковых единицах заложен эволюционный потенциал, реализации которого зависит от многих факторов.

В своей статистической версии французская норма определяется исходя из эталонов или образцов, зафиксированных в литературных произведениях писателей-классиков (В. Гюго, О. де Бальзака, Стендаля, Г. Аполлинера, А. де Сент-Экзюпери и т.д.). Однако и они не свободны от отхождений от нормы, которые могли бы быть отнесены к разряду антиэталонов языковой нормы. В настоящее время концепт национальной языковой нормы расширяется за счет предписаний, встречаемых в коммуникативном пространстве текстов СМИ, например, газетных хроник газеты *Le Figaro*.

Норма современного французского языка специфична и по причине кодификации вариантов, обусловленных культурными и социально-политическими предпочтениями языкового сообщества, демонстрируя тем самым свой явный диспозитивный и в меньшей степени императивный характер. Так, при введении в активное употребление акронима-неологизма женского рода *COVID* французы, пренебрегая предписанием Французской академии, регулярно употребляли его с артиклем мужского рода. Отдельного внимания заслуживает французская орфографическая норма, которая в период создания национального языка в IX веке была весьма либеральной и позволяла фиксировать на письме произносимое слово без каких-либо правил, а затем, получив статус обязательного орфографического стандарта, с одной стороны, унифицировала правописание, а с другой, выйдя за рамки языкового сознания, привела к установлению норм социального поведения во второй половине XIX века, став показателем уровня академического образования. В XXI веке орфографическая норма, усиленная социальным контекстом, стала имплицитно предписывать нормы социальных взаимоотношений с работниками женского пола, устанавливая равенство родов и полов в инклюзивной орфографии. Помимо вариантов узуальной нормы, имеющих

социальную маркированность, фиксируются и варианты, кодифицирующие культурную коннотацию, например, при произнесении имен собственных, таких как *Christ* или *Joachim*. При всей строгости орфоэпических норм французского языка подобные варианты допустимы именно в силу своей способности маркировать принадлежность к определенной социальной группе лиц.

Рассмотрение типологического разнообразия французской национальной нормы с позиции классических лингвистических теорий не позволяет объяснить возможность кодификации вариантов в результате закрепления за языковыми средствами новых категориальных значений, например, значения совокупной общности. Наблюдается также и расшатывание французского синтаксического канона и его предикативных моделей конструкциями с внешне нестандартной формой, репрезентирующими несистемные значения, логико-понятийной и эмоционально-оценочной сферы.

Необходимость изучения и систематизации регулярных вариантов нормы связана с переходом от пассивного восприятия нормы к активизации аналитических способностей субъекта речи, участвующего в креативных коммуникативных процессах. Изначально последние даже не осознаются и не реализуются как таковые. При условии одобрения языковым сообществом варианты нормы используются в дальнейшем как преднамеренно неконвенциональные языковые средства. Упомянутая интенциональность свидетельствует о сохранении субъективного характера узуальной французской нормы, реализация которой сопровождается с деинституционализацией правил употребления языковых и речевых единиц. Обращаясь к проблеме нормализации, т. е. процесса, который позволяет утвердить варианты или не утвердить как норму, отмечаем, что кодификация наиболее употребительных единиц в качестве единых осуществляется не по распоряжению государственного учреждения, а в соответствии с предпочтениями и запросами французского языкового сообщества. Отмечаем также: для французской нормы значимо участие современных французских лексикографов, смягчающих императивность предписаний классических нормализующих изданий. Посыл к постоянному обновлению, появление частых неточностей и расхождений в правилах употреблений языковых единиц, приведших в дальнейшем к расшатыванию нормы в языковой системе на различных уровнях, были уже заложены изначально в момент создания Французской академии, когда не был четко определен основной критерий отбора единиц, подлежащих исключению из словаря Французской академии – на основании требования *pureté* ‘чистоты’. В этом смысле французская языковая норма изначально была сориентирована на приоритет речевой нормы, когда хорошая речь и манеры (*le bon usage*) трактовались как *Mise en œuvre de l'ensemble des éléments du langage par la parole; expression verbale de la pensée dans un milieu et un temps donnés* ‘Реализация всех элементов языка через речь; словесное выражение мысли в данной среде и времени’. Большая часть

коммуникативных норм французского языка имеет кодификацию в словарях и справочниках по речевому этикету. Они составляют основу лингвокультуры *savoir-vivre* и используются как шаблоны для конструирования дискурсов активного взаимодействия. Модели речевого поведения французов ориентированы на референциальные значения, как это, например, закреплено во внутренней форме ФЕ *connaitre ses classiques* со значением «*savoir ce qu'il convient de faire, avoir des références communes dans un domaine*». Далее в конкретном речевом акте они используются и интерпретируются в зависимости от прагматических установок с сохранением отсылки к эталону поведения: «*Si vous nous le demandez gentiment, если вы хорошо нас попросите, nous pourrions même vous dévoiler nos recettes secrètes!*».

Социально-исторический и культурный контекст речевой нормы обусловил наше внимание к так называемым ассоциативным нормам, которые в качестве смысловых структур участвуют в создании национальной и индивидуальной картины мира, коллективных коммуникативно-когнитивных сценариев, смысловых стереотипов.

Сложность структуры нормы как ментально-языковой категории подтверждается и включением в ее организацию *ассоциативных норм*, коррелирующих со стереотипными ментальными структурами, специфичными для французской языковой личности, а также наличием аксиологических доминант, регулирующих межличностное поведение, их встраивание в коммуникативные установки, нравственные ориентиры и предпочтения. Аксиологические доминанты имеют более содержательную внутреннюю форму и, в отличие от собственно ассоциативных норм, предполагают объективацию посредством концептуальных метафор, эксплицитно вербализуемых, например, такой ФЕ, как *filer une métaphore*. Выделение вышеназванных полимодальных единиц французской речевой нормы происходит на основе пропозиций, ментальных схем.

В настоящее время отмечается смещение приоритетов в пользу диспозитивности французской нормы. Для французского языкового сообщества особую значимость имеет именно речевая (коммуникативная) норма. Выстраивая модель типологической структуры французской нормы языка, можно отметить иерархию типов норм, вершиной являются ассоциативные нормы и аксиологические доминанты французского языкового сообщества. С этих позиций субъект речи, с одной стороны, конвенционально свободен в выборе нормативных единиц любого уровня, с другой стороны, он может использовать креативные лингвистические ресурсы коллективного и индивидуального планов, которые получают новые регулярные стилистические, прагматические или аксиологические характеристики с их последующим закреплением в национальной языковой и речевой норме.